— Как думаешь, с Коммунального сигануть или с Димитровского?

— Да замолчишь ты, наконец? Как ведешь себя? Брось! Какого черта! Это я не тебе сказала «брось», соображать надо! Поднимай теперь! И не вздумай есть! Ведет себя, как черт-те что, не заводи детей!

— На асфальт как-то не хочется — твердо и люди вокруг глазеют.

— Развернулась и пошла в угол! Рысью! Короче, приезжай! У нас тут, правда, родственники да Олег с дежурства усталый. Да у меня поясницу что-то ломит. Приезжай, в коридоре посидишь!

— Домой пойду. Приму душ, суну голову в духовку.

— А туда ходить не смей! Да не тебе я говорю, иди в свой туалет! Варя, не смей туда ходить, только хуже будет!

— Вот еще.

Варенька положила телефон в карман и направилась к желтой субмарине — сомнительному украшению на входе в «Ливерпуль». В зале паба не утихали битловские песни, не выключались битловские головы, не переводился дешевый алкоголь. Там, в никотиновом чаду, за барной стойкой стояла худая, крепкая Эля и наливала ему эль. Эля была здесь ни при чем, Эля не знала, что он — это *он*, и хотела только поскорее выгнать всех их к чертовой матери и пойти домой к *нему*. О, сколько *вас* ходит по свету и плюет в самые укромные уголки душ друг друга!

— Это будет неудобно, — процедил в телефоне *его* голос, и Варя вмиг потеряла пять килограмм веса и интерес к жизни.

«Если *он* там, то почему я там — "будет неудобно"?» — причитала молодая симпатичная девушка с промокшими ресницами.

Варенька чувствовала, как в левом предплечье вязкой и тепленькой слюною разливалась короткая фраза, и все от этой фразы становилось мутным и отвратительно скользким. «Это будет неудобно» — после была пауза, и в этой паузе, как скрежет пилочки по ногтям старушечьих ног, — женский голос, рассказывающий какую-то невнятицу. Это был *ее* голос. И для *него* он тоже был *ее* голосом — мучила себя Варенька и неумолимо шла в направлении паба. Сюда не велела идти многодетная подруга, но Варенька не могла больше никуда идти, и не могла долее смотреть на лицо старика Кутузова, безразлично пялящегося в какую-то неведомую точку у крыльца Дома офицеров. «Большой человек был, нужный. А я никому, никому, никому не нужна!» — Варенька остановилась и нарочито запрокинула голову, будто таращась в небо. Широко распахнутые глаза медленно просыхали, и ком проходил по пищеводу вниз.

«Я только гляну, сделаю вид, пройду мимо, забегу. Мне вообще некогда, я только поздороваться. Почему вдруг я не могу поздороваться?» — как ни старалась, Варенька не могла придумать

ни одной причины войти так, чтобы не выглядеть дурой. У колонны в переходе метро она остановилась. На повороте к выходу стояла пожилая женщина и, прижимая к груди какую-то книгу, стыдливо посматривала в прохожих. Варенька знала ее. «Идиот» Достоевского, «Сорок пять» Дюма, «Собор Парижской Богоматери» Гюго — она оплатила ей уже три обеда. Женщина никогда не говорила сумму — «сколько дадите» — ей было неловко, но есть хотелось сильнее. Варенька подошла.

— Очень хорошая книжка. Сколько дадите. Очень хорошая, — бормотала женщина, спрятав глаза за большими квадратами стекол.

— А о чем? — оскорбленные чувства искали общения.

— О женщине. Она без любви вышла замуж, потом начала изменять, а потом отравилась мышьяком.

— Подойдет, — Варенька протянула купюры.

— Зачем так много?

— Вы же сказали: сколько дадите.

— Столько и за новые не дают.

— Ну тогда просто так.

— Нет, нет, я так не могу.

— Я от всей души.

— Нет, нет! — она выдернула из Вариных рук бумажку. — Спасибо вам, но больше не надо.

«И нищей старухе ты не нужна!» Варенька вышла из перехода и уставилась в небо.

Идти в «Ливерпуль» было нельзя. Там *она* рядом с *ним* улыбается выбеленными зубами. А у Вареньки зубы с желтым налетом — и вроде бы кофе стала меньше пить, а все равно губы разомкнуть стыдно. А *она* постукивает лошадиными зубами и щебечет, о, *она* щебечет ему в самое ухо какие-то свои девчачьи пошлости!

В любой непонятной ситуации покупай сигареты. Варенька подошла к киоску. У киоска мужик в засаленной тельняшке стрелял мелочь. Она протянула ему пятак. «У девушек не беру. Друг, дай на опохмел!» — мужик был честен и сер. Закусив губу,

девушка купила «Парламент». Даже лежащей в луже подранной собаке Варенька была не нужна.

Скорым шагом она пошла по проспекту. Чтобы вполне насладиться самоугнетением, перешла на аллею в центре проезжей части — здесь всегда меньше людей. Деревья впивались ветвями в мягкие белки глаз. Всем этот летний вечер нашептывал сказки, всем сулил утешение прохладной ночи, но Варенька не поддавалась обману: с упрямством старого осла она во всем находила порчу и упивалась горько-сладкой тоской оскорбленного существования. «Это будет неудобно. Две женщины, одна из которых *она*, а вторая хочет быть *ею* — это будет очень неудобно! Но есть способ — враз решает все неловкие ситуации. Надо только выбрать подходящий вариант: прыгать страшно, петля — некрасиво, стреляться нечем, в ванной мокро… Потом будут брызги раскаянья, изгрызенные ногти вины, камень памяти — поделом, поделом, по…»

— Вы тут вся в синем платье, а меня, между прочим, девушка бросила.

Белобрысый нахал подкрался сзади. На нем были обычные серые джинсы, обычная рубашка с отвратительным коротким рукавом, обычные черные туфли торчали на обычных кривых ногах и обычная голова покачивалась на обычной короткой шее.

— Ничего удивительного, — дав сдачу тому, кто ее не трогал, Варенька застыдилась.

— Дайте закурить, — по всему было видно, что молодой человек нетрезв. Тот факт, что в ответ на его просьбу девушка ускорила шаг, его ничуть не смутил, он семенил следом и сосредоточенно ловил мысль на потемневшем асфальте.

—

Разные маргинальные личности и просто откровенные психопаты преследовали Вареньку с детства. Началось все с дворового мальчугана Яшки, которого сосед Веня — рыжий наследник

очкастых депутатов — ласково окрестил имбецилом. Варенька появилась в этом дворе позже — все роли были распределены, все новые дети проходили через строгое Венино ведомство. Решив установить полезные социальные контакты, она надела новое платье и вышла на улицу. Первым, на кого она наткнулась, был Яшка. Разгромив чей-то песочный замок, он довольный сидел на скамейке и таращил на Вареньку блудливые реснитчатые глаза.

— Привет, — Варенька бесцеремонно уселась рядом.

— В подвале кошка родила, а я ключик у дворника подтырил, — сходу заманивал Яшка.

— Только недолго, через полчаса мультики начнутся.

В подвале было прохладно и противно. Яша нащупал выключатель и тусклая лампочка осветила бетонные стены, на которых красовались меловые рисунки.

— Это чья работа? — обомлела знавшая толк в искусстве девочка.

— Это я малюю, когда у меня экзистенция ломается. Смотри, какие мерзкие! — Яшка указал в угол, где слепые котята впивались в мамкину грудь. Мамка мурлыкала и заискивающе смотрела на детей.

— Надо ей молока добыть, — Варенька уже забыла про мультики и про то, что через час папа принесет торт, чтобы отмечать ее день рождения.

— Сразу видно, что ты глуповата, — необидно сказал вихрастый имбецил. — Молоко у нее в титьках вырабатывается из сосисок, которые я подворовываю из холодильника. Она уписывает их прямо из рук. Я дам тебе полсосиски, если ты покажешь мне коленки.

— Только глаза сперва закрой!

Маленький бесстыдник зажмурился в предвкушении. Со всего размаху Варенька стукнула хама ладошкой по затылку.

— Так бы сразу и сказала, а то строит из себя, — мальчик протянул половину кошкиной снеди. — Только разломай на кусочки, а то подавится.

С тех пор у Вареньки появилось прозвище «имбецилиха» и один друг на весь двор.

—

Красный зажег огни. Обычный молодой человек упрямо плелся рядом с погруженной в воспоминания девушкой. Он уже не помнил что спросил у нее, куда шел и в каком составе плескался алкоголь в его голубых глазах. Если бы Варенька была собакой, он точно так же попросил бы у нее сигарету и послушно перебирал ногами вослед лохматому другу.

Между тем Варенька начала думать. Этот процесс был тем тяжелее, чем горше представлялась жизнь. Мысль упрямо застревала на каком-то витке с вязкими звуками «неесчаастная», «неее люююбят», «неее нужнаааа» и прочим набором патологической жертвы, так что Варенька никак не могла довести ее до какого-нибудь завершения, кроме того, что нужно скорее выпить яду, чтобы потом злорадно смотреть, как всем будет плохо. Этот вывод никак не вязался с тем убеждением, что этим же «всем» абсолютно плевать как на существование русоволосой «чувырлы», так и на внезапное его прекращение, но разве бывает какая-нибудь логика в онтологической тоске?

Как ни угасало Варенькино сознание, но что-то сильное помогло — преодолев трясину безысходности, мысль выбралась к лежащему среди мрака хилому лучу света: а ведь для чего-то я ему нужна — солнечный заяц пошевеливал тощими ушами. Варенька остановилась. Как по команде, остановился обычный гражданин и, чуть покачиваясь, бессмысленно посмотрел на спутницу.

— Огня нет, — она протянула пачку.

— А вы куда идете? — короткие пальцы неудачно хватались за фильтр.

— Не по пути.

— Так ведь и я туда же! — добро сказал незнакомец и ласково зыркнул. — Мне очень нужно кому-то рассказать.

«Нууужно» — обычный голос приятно пощекотал девичьи уши. «Вот тот, кому я нужна, — радостно сказала она себе, — и горе у нас одно. Что ж я кобенюсь?» Варенька чуть сбавила шаг.

— Для начала нужно сказать, что меня зовут Герман. Вот вы бы бросили парня с таким именем?

— Если верить Пушкину, вас надо гнать ссаным веником.

— Почему сразу ссаным? Ничего я такого не делал, и вообще, мужчины не обязаны каждый раз подавать руку из автобуса. Сейчас такой транспорт — ступенька на уровне поребрика, захочешь убиться — не получится.

— И поздно вечером встречать незачем — фонари горят.

— Встречал. С фонарями и без.

— Сумку сама донесет.

— Таскал, как ишак.

— Цветы дарить — деньги зря тратить.

— Каждую неделю. Аллергия от этих цветов!

— Так что ж ей, стерве, еще надо было?

Герман остановился и погрузил в Вареньку мутные глаза.

— Что-то в вас не так. Но я бы лучше понял это, если бы мы пошли сейчас ко мне домой.

Что-то неуловимо яшкино сквозило во всех германовских манерах.

—

В Яшку она тогда, конечно, влюбилась и уже готова была показать ему коленки, но опоздала.

Это случилось в октябре. Как обычно, стукаясь портфелями, они бежали после уроков наперегонки до ограды. У ограды стояла стройная белокурая Вера, смотрела вдаль и смолила папиросу. Яшка врос в землю. Его бабушка, усатая кареглазая еврейка, точно

так покуривала на кухне «Беломор» и рассказывала истории — бог знает случившиеся с нею, с ее знакомыми или выдуманные с тоски. Яшка просиживал у нее часами и бедную Вареньку мучил еженедельными «гостями у клевой бабки», когда девочке хотелось только в подвал — играть с котятами и смотреться в ясные глаза имбецила.

— Мудак, — буркнула на Яшку Вера и пошла в школу. Ей было четырнадцать, ему — восемь. Их любовь могла бы разгореться лет через девять, когда разницу в возрасте можно прикрыть умом и дородным телом, но через девять лет Яшка уже безнадежно страдал по Раисе — грудастой тридцатишестилетней физичке. Усатая ли старуха тому виной, но отчего-то Яшку тянуло на женщин в летах.

— И правда, ты имбецил, — заключила Варенька, окончательно поняв, что первого поцелуя у первой любви не добыть. Яшка обиделся и ушел в армию.

—

«А почему бы и нет», — устало проговорила внутрь себя Варенька. «А почему бы, черт возьми, и нет?» — со злостью и отчаяньем отозвалось из пустоты ее сердца.

— Веди.

Они поплыли обратно в сторону центра. Варенька жила на Гагаринской, Герман — на Доме быта, между ними была прямая линия самой длинной в мире прямой линии проспекта. «Может, это и есть та самая судьба, которую погубил имбецил Яшка?» — горюнилась Варя и посматривала на того, кто показался ей таким обыкновенным вначале.

Герман преобразился. Одно имя его приятно было держать на языке. И уже глаза его будто отражали небо, и уже светлые кудри приглаживал ветер, и короткий рукав рубашки скрывал крепкую мускулатуру…

Варенька не успела опомниться, как они ввалились в тусклое помещение «Ливерпуля».

— Возьмем с собой пару литров, для настроения, — Герман улыбнулся и стал пробиваться к барменше.

Они были здесь. В дальнем углу за столиком сидела компания из шести человек. Все по парам. Неделю назад точно в том месте, на том же стуле рядом с *ним* сидела Варенька и пила тот же эль. *Она* улыбалась. *Она* улыбалась беззаботно, красиво, пьяно. Сегодня *он* поведет *ее* домой, накинет куртку на озябшие девичьи плечи, и так естественно окажется *ее* дом *его* домом. Как это оказалось с Варенькой. И как страшно забилось Варино сердце в невыносимом желании, чтобы оказалось с кем-нибудь еще.

— Кстати, как вас зовут? — в руках Германа темнели две полторашки. — Литровок не оказалось, а полтора мало, — оправдывался он, заметив, как строго девушка посмотрела на алкоголь. Вдруг Варенька взяла бутылку, открыла и как-то обреченно выдула половину. Прищурив глаза, она посматривала в угол паба. Один из *его* друзей заметил ее. Варенька закупорила напиток, нежно взглянула на вмиг похорошевшего Германа и приблизила лицо для поцелуя. Молодой человек некстати тупил. Потершись носом о его щеку, прошептала: «Графиня», развернулась и пошла на выход. Напрасны были Варенькины старания — *его* друг не любил болтать о бабах.

По Красному гудели автоманьяки. Оба жившие в домах окнами на проспект, путники не замечали шума. Они плыли дальше, теперь уже к одной четко обозначенной цели, и чем ближе она становилась, тем сильнее сожалела Варенька о так быстро тощавших бутылках. Они завернули к киоску и купили шампанского. Ночь еще не начиналась.

В квартире Германа отчетливо чувствовалось присутствие ушедшей женщины. «Не обманул», — почему-то с облегчением подумала Варенька и отхлебнула веселящих пузырьков. То ли

от расстроенных нервов, то ли переживая за не выщипанные на сосках волосы, Варенька никак не пьянела. Нет, она уже была хороша, но ей хотелось забыть себя, потерять, пропасть, растворить ся, и она делала новые глотки, чтобы добиться желаемого, не думая, что давно уже забылась, потерялась, пропала в этом бурлящем омуте жизни, а темная вода растворила самую память о ней.

Надо было целоваться. А зачем тогда этот алкоголь и пустая квартира с запахом вчерашней любви? Герман сжал ее. «Вот и смерть моя пришла», — испугалась Варенька, почувствовав, как ахнули ребра, но быстро успокоилась: мужчина был силен и нежен. Разделись как-то быстро и обреченно. Упали на неразложенный диван. Стали ласкаться. Отчего-то Герман не начинал. Он все целовал, целовал ее щеки, плечи, живот — сантиметр за сантиметром, будто снимал мерки. Вареньке уже наскучило и не терпелось. Лишние минуты на карнизе уберегают от прыжка, а Вареньке нужен был прыжок — так казалось ее слепому сознанию. Мягкие губы снова посчитали клетки шеи, подтянулись к уху и прошептали: «Зачем все это?..»

Было как-то глупо двум взрослым людям сидеть на диване голыми, с признаками еще не погасшего тела, и ничем не заниматься. Поэтому Герман закурил.

— Что бы я уже ни сделал, все равно буду козлом. Давай хоть запишу твой номер.

«Имбецилиха» — вспомнилось Вареньке детское прозвище. Она оделась и молча вышла.

—

— Прибереги свои тощие коленки — возьму тебя замуж, как вернусь. Надоели мне эти старые бабы! — писал Яшка с войны, в которую ушел из армии. Письмо лежало в верхнем кармане куртки, в которой Яшка погиб.